

УДК 398.21 (470.323)

АРТЕФАКТНАЯ ЛЕКСИКА В КУРСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

А.Е. Ковалев

Аспирант кафедры русского языка
e-mail: artem_kovalev_221b@mail.ru

Курский государственный университет

Статья посвящена описанию группы артефактной лексики, представленной в текстах курских народных сказок. Базой исследования послужили лексикографические комплексы к курским сказкам, изданным А.Н. Афанасьевым, и к сказкам, записанным в селе Боброва. В качестве дополнительных материалов привлекались показатели тимских сказок. В статье осуществляются количественный и частотный анализы артефактной лексики, дополняемые наглядными таблицами. Выделяются основные тематические кластеры и субкластеры артефактной лексики, очерчиваются их границы и характеризуются особенности состава. Проводится сравнительный анализ наиболее употребительных лексем с описанием особенностей их семантики и сочетаемости. Рассматриваются отдельные фольклорные концепты.

Ключевые слова: артефактная лексика, концепт, лингвофольклористика, русская народная сказка, семантика фольклорного слова.

Введение

Понятийная сфера «Артефакты» в фольклорном тексте была выделена И.С. Климас наряду с такими сферами, как «Ментифакты», «Социофакты» и «Натурфакты» [Климас 2005]. Под артефактной лексикой понимаются «слова, именующие фольклорный локус, жилище и его элементы, оружие и снаряжение, одежду и украшения и некоторые другие предметы» [Праведников 2007: 93].

Материалы

Материалом для исследования послужила артефактная лексика, выбранная из словников лексикографических комплексов к 15 курским сказкам, изданным А.Н. Афанасьевым (далее в таблицах – Сказки №1), и к 23 сказкам, записанным в селе Боброва Курской области (далее в таблицах – Сказки №2), которые содержат 2292 слова в 10 200 словоупотреблениях и 1642 слова в 11 790 словоупотреблениях соответственно (см. [Праведников 2019, 2020]).

Результаты

В первой группе сказок зафиксировано 197 уникальных наименований артефактов, что составляет 8,6% от общего объема словника, а во второй – 185 наименований – 11,26%. Оба показателя

свидетельствуют о малой доле артефактной лексики в текстах. Об этом же свидетельствует количественный анализ словоупотреблений, который показал, что в курских сказках из сборника А.Н. Афанасьева наименования артефактов составляют 5,5% (561) словоупотреблений от общего числа, а в сборнике бобравских сказок – 6% (711). Видно, что разница между показателями незначительна (0,5%), следовательно, долю артефактной лексики в текстах курских сказок можно уверенно назвать одинаково низкой.

При этом общими для сказок являются всего 67 лексем (34% от артефактов в сказках А.Н. Афанасьева и 36% в бобравских сказках). Это говорит о том, что группа артефактов, несмотря на небольшой объем, характеризуется разнообразием состава лексических единиц.

Приведенные подсчеты позволяют предположить, что подавляющее количество наименований артефактов в сказках характеризуется низким уровнем частотности. Это предположение подтверждается статистикой. Результаты, представленные в таблице (см. Таблица 1), показывают, что большинство артефактов используется в текстах лишь единожды.

Таблица 1. Распределение наименований артефактов по частотности

	Низкочастотная лексика				Высокочастотная лексика
	Показатель частотности				
	1	2	3	4	5 и выше
Сказки №1	91 46,2%	36 18,3%	23 11,6%	16 8,1%	31 15,8%
Сказки №2	58 31,4%	35 18,9%	20 10,8%	20 10,8%	52 28,1%

Если установить границу между высокочастотной и низкочастотной лексикой по показателю 5 (включительно), то в группу высокочастотной лексики из сказок А.Н. Афанасьева попадают всего 31 наименование артефактов (15,8%), а из бобравских сказок – 52 (28,1%).

Сравнение полученных данных с результатами подсчета в тимских сказках (17,6%) [Праведников 2007] демонстрирует, что частотность артефактной лексики в сказках А.Н. Афанасьева также низка, тогда как показатель бобравских сказок оказался выше, чем в других сборниках. Это может объясняться разными факторами. Например, одной из причин можно назвать частотность, созданную композиционными особенностями текста. Речь идет о наименованиях артефактов, частотность которых повышена из-за троекратного (или же большего) повторения, свойственного сказочным композициям.

«Тут и столы, и стулья позастучали, и ножи, и вилочки, и ложечки, и тарелочки, напитки, наедки, стоги водки» (Бобравские сказки, №17 «Мурза»).

Данный фрагмент повторяется в сказке практически без изменений 5 раз, что сразу выводит все выделенные артефакты в группу частотных. Говорить об особой важности таких артефактов из-за их повышенной частотности не совсем корректно, т.к. при повторе их синтагматика и роль в тексте не меняются, а сами они, как правило, используются в пределах одной сказки.

Анализ показал, что общими для групп высокочастотной лексики в сказках А.Н. Афанасьева и в сборнике бобравских сказок являются 11 лексем: *блин* (6/5), *дверь* (23/20), *двор* (15/17), *дорога* (5/10), *котел* (6/7), *молоко* (17/8), *мясо* (7/8), *печка* (5/11), *сад* (16/6), *стол* (11/6) и *столб* (5/6). Перечисленные слова составляют малую долю от высокочастотной лексики (35,5% и 21,6%), что выступает еще одним доказательством богатства и разнообразия лексического состава группы артефактов, представленной в исследуемых сказках. Это же подтверждает сравнение наиболее частотных наименований: среди первых 10 позиций по частотности совпадают всего 2 слова – *дверь* (1 и 3 позиции) и *двор* (5 позиция).

Распределение обнаруженных в сказках номинаций происходило по основным кластерам, выделенным И.С. Климас в составе лексического ядра артефактов фольклорных текстов [Климас 2005: 203–204]. В дальнейшем данные тематические группы были взяты за основу при описании наименований артефактов, представленных в тимских сказках [Праведников 2007]. Это:

1. Фольклорный локус.
2. Дом, его элементы и другие строения.
3. Оружие.
4. Еда и питье.
5. Одежда и украшения, драгоценности.
6. Деньги.
7. Другие рукотворные предметы.

Стоит отметить, что выделение и распределение артефактной лексики по обозначенным кластерам в некоторых случаях носит неоднозначный характер в спорных ситуациях, вызванных семантикой слова или контекстом.

Сложности возникают, например, на этапе отбора материала, когда необходимо определиться с тем, что считается артефактом. Главным образом это касается существительных с абстрактным или собирательным значением, обозначающих в контексте предметы, существование которых немислимо без человека, т.е. артефакты, но при этом не конкретизирующих их.

Всего в сборниках было обнаружено 11 таких лексем: *богатство*, *выкуп*, *дань*, *плата*, *вещь*, *гостинец*, *добро*, *клад*, *приданое*, *связка*, *сокровище*:

«Вынесли они из дома все **вещи** и зажгли его» (Бобравские сказки, №19 «Злыдни»);

«Мороз пришел совсем не по душе, он принес красной девушке сундук высокий да тяжелый, полный всякого **приданого**» (Афанасьев, №96 «Морозко»);

«Нынче придет покалякает, завтра придет – **гостинец** принесет» (Афанасьев №97 «Старуха-говоруха») и т.п.

Неоднозначность вызывает и распределение таких лексем по кластерам. Они требуют отдельного рассмотрения и не могут быть классифицированы по аналогии с другими номинациями. Например, воронежские исследователи относят *гостинец* в тематическую группу «Еда, питье» [Доброва, Халилова 2019: 242], однако в словаре находим значение, по которому допустимо отнести данную лексему к кластеру «Другие рукотворные предметы»: ‘*вещь, предмет, сладость* и т.п., обычно приносимые, привозимые откуда-л. в знак внимания, в качестве подарка’ [МАС]. Лексемы *богатство, добро* причисляются «Словарем языка русского фольклора» к понятиям экономики [Бобунова, Хроленко 2006: 111, 115], что логично сближает их с кластером «Деньги», однако в исследуемых текстах они, очевидно, называют иные рукотворные артефакты:

«Отпустил вора с братьями, а корабль новосделанный нагрузил всякими **богатствами**» (Афанасьев, №147 «Семь Симеонов»);

«Приехала падчерица, да как раскрыла сундук да развесила **добро** на веревочке от избы до ворот...» (Афанасьев, №97 «Старуха-говоруха»).

Особого внимания заслуживают примеры наименований артефактов, значение которых изменяется в контексте, что делает их классификацию вариативной. Например, *вилы, нож, ножик* выступают в контексте сказок в роли холодного оружия, что сближает их с кластером «Оружие»:

«...А барин собрал-снарядил караул с **вилами, стрелами, дубинами: глянуть, так страшно!**» (Афанасьев, №387 «Вор»);

«**Вы ж меня, сестры, сгубили. // Ножик в сердце устремили...**» (Бобравские сказки, №7 «Волшебная дудочка»);

«**Ножу точат булатные, // Хотят меня зарезати!**» (Афанасьев, №261 «Сестрица Аленушка, братец Иванушка»).

Такие артефакты распределялись по кластерам в соответствии с доминантными функциями, указанными в словаре. В данном случае вилы – ‘сельскохозяйственное ручное орудие’, нож – ‘инструмент для резания’ [МАС].

Близкими к рассмотренным примерам оказываются лексемы *золото/злато, серебро*, которые, изначально не являясь артефактами, подверглись обработке и перешли в разряд рукотворных предметов. Принадлежность таких слов к артефактной лексике в текстах спорна, не во

всех значениях они определяются как артефакты, кроме того, могут относиться к разным кластерам в зависимости от значения. Сравним:

«*В избешке сидит девица красная, вышивает ширинку серебром и золотом*» (Афанасьев, №114 «Князь Данила-говорила») – ‘материал’, не артефакт;

«*...Идет дальше, видит дуб, толкнул его, а там золото*» (Бобравские сказки, №18 «Марко Богатый»), «– “Что возьмешь?” – “Коробочку *серебра*”» (Афанасьев, №387 «Вор») – ‘деньги’, артефакт.

Итак, наименования артефактов были распределены по кластерам с учетом перечисленных особенностей. Результаты распределения были отражены в Таблице 2, из которой следует, что артефактная лексика всех кластеров представлена в сравниваемых сказках в близком соотношении – разница между количеством лексем или словоформ ни в одном случае не превышает 10%.

Таблица 2. Распределение наименований артефактов по кластерам

		Кластеры							Всего
		1	2	3	4	5	6	7	
Сказки №1	кол-во лексем	13 6,6%	40 20,3%	4 2%	25 12,7%	30 15,2%	5 2,6%	80 40,6%	197 100%
	кол-во с/у	36 6,4%	178 31,7%	6 1,1%	67 12%	66 11,8%	19 3,4%	189 33,6%	561 100%
Сказки №2	кол-во лексем	7 3,8%	51 27,6%	3 1,6%	21 11,4%	18 9,7%	2 1,1%	83 44,8%	185 100%
	кол-во с/у	30 4,2%	214 30,1%	6 0,9%	91 12,8%	47 6,6%	18 2,5%	305 42,9%	711 100%

Кластер «*Фольклорный локус*» является наиболее абстрактной тематической группой с подвижным составом и размытыми границами.

Под фольклорным локусом понимается «пространство в поэтическом фольклорном тексте, имеющее границы, привязку к конкретному (реальному) месту, в котором происходят локальные значимые события» [Кузьмина 2013].

В широком смысле под данное определение подходят все артефакты, имеющие пространственные границы, – *огород, окно, подоконничек, паром, порог, сад, стол, угол* и т.п. Однако ключевым фактором, на наш взгляд, выступает указание на локализацию значимых событий, поэтому в данном исследовании в кластер «Фольклорный локус» отбирались только те слова, которые обозначают обширные пространства, глобальные локации, находящиеся за пределами кластера «Дом, его элементы и другие строения», и в которых разворачиваются сказочные сюжеты. Это позволило избежать повторений и наложений границ кластеров.

Таким образом, в сказках А.Н. Афанасьева кластер «Фольклорный локус» оказался представлен 13 лексемами в 36 словоупотреблениях (*владение, город, государство, дорога, дорожка, кладбище, Крым-град, полцарства, распутье, село, улица, царство, царство-государство*), а в бобравских сказках – 7 лексемами в 30 словоупотреблениях (*базар, дорога, дорожка, кладбище, селение, село, царство*). Количество общих лексем – 5.

Анализ зачинов двух групп сказок показывает крайнюю редкость использования в них наименований фольклорного локуса. Указание на место действия имеется лишь в 2 из 15 сказок А.Н. Афанасьева и в 1 из 23 бобравских сказок:

«...А в некотором царстве, в некотором государстве жил-был такой старичок...» (Афанасьев, №180 «Сивко-бурко»);

«В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, у него был сын Иван-царевич...» (Афанасьев, №283 «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре»);

«– В одном селе жили брат, сестра, жена» (Бобравские сказки, №14 «Беспалая сестра»).

Приведенная статистика соответствует выводу, сделанному в ходе описания артефактной лексики тимских сказок: «Для курских сказок нехарактерно указание на место действия в инициальной части текста. Курские сказочники обходились лишь общей констатацией факта существования того или иного персонажа» [Праведников 2007: 94]; «в большинстве случаев действие разворачивается без акцента на локально оформленные территории» [Праведников 2007: 96]. Особенно показательна в этом плане статистика бобравских сказок: в 20 случаях из 23 зачин начинается с глагола *жить* без дальнейшего уточнения локации:

«Жили отец и мать» (Бобравские сказки, №7 «Волшебная дудочка», то же №10 «Чудесный орешек», №14 «Беспалая сестра» и др.);

«Жили дед и бабка...» (Бобравские сказки, №1 «Коза драная»);

«Жили два брата умных, один дурак» (Бобравские сказки, №20 «Дурак и дуб», там же №21 «Набитый дурак»).

Как правило, слова из группы фольклорного локуса используются в сказках для обозначения конечных точек передвижения героев, причем зачастую тех, которые лишь предстоит достичь. Они сочетаются с глаголами движения *везти, ехать, идти, приехать, побежать, поехать, пойти* и др.: *ехал мужик на базар; затеял в город просо везть; пошел в Крым-град; шла она, шла и пришла в свое село; побежала на улицу; пошел на кладбище; остановились в государстве* и т.п. Значительно реже наименования локаций используются для описания возвращения и обозначения уже пройденных или начальных точек маршрута: *ездил-ездил по селам и городам; приехал из богатейшего государства; приехали отец и мать с базара*. Это может быть связано со стремительным развитием

сюжета, с его постоянным движением вперед. В сказках намного важнее то, что герой делает в настоящий момент и куда он отправится в грядущих событиях, чем то, чем он занимался и где находился в прошлом.

В сказке А.Н. Афанасьева слова *царство*, *государство* и *царство-государство* используются для обозначения далеких, чужих мест:

«А в **таком-то царстве, в таком-то государстве**, – говорил он, – живет Елена-царевна Прекрасная...» (Афанасьев, №147 «Семь Симеонов»);

«...Жила она от него **за тридевять земель, в тридесятом царстве**» (Афанасьев, №147 «Семь Симеонов»);

«...Стану глядеть на все стороны и тебе рассказывать, что делается в **чужих царствах-государствах...**» (Афанасьев, №147 «Семь Симеонов»).

В приведенных примерах явно проступает оппозиция «далеко/близко», выражаемая прилагательным *чужой* (также элемент оппозиции «свой/чужой»), неопределенными местоимениями и традиционными для сказочных текстов конструкциями *за тридевять земель* и *в тридесятом царстве*, подчеркивающими удаленность и недостижимость места.

В близком значении слово *царство* выступает в сказке «Набитый дурак» (Бобравские сказки, №21). Оно обозначает недостижимое пространство, но также выражает элемент оппозиции «земное/небесное»: «**Царство небесное, канун да ладан**».

Традиционным для сказочных текстов является использование лексемы *полцарства* в значении ‘дар’: «...Елена-царевна хочет его всему свету показать, хочет ему **полцарства** отдать, а жених не является!» (Афанасьев, №180 «Сивко-бурко»).

Отдельного внимания заслуживает группа подвижного локуса, которую составляют слова, формирующие пространственную зону дороги [Кузьмина 2013]. Это общие для групп сказок лексемы *дорога*, *дорожка*, а также лексема *распутье* из сказки «Несмеяна-царевна» (Афанасьев, №297).

Почти во всех случаях слова используются для обозначения реального пути, «выбранной дороги» [Там же 2013], по которой передвигаются герои: *расчистила **дорожку** и нагоняет опять; **дорогу** бархатом, золотом выложил; она по одной **дорожке** все время ходит; приказал намазать эту **дорожку** смолой; снял другой сапог и кинул на **распутье***. Исключением является сказка «Марко Богатый» (Бобравские сказки, №18), в которой дорога выступает в роли персонажа: «*Идёт дальше, видит **дорогу**. Она говорит: – Спроси, доколь меня лошади подковой будут бить*».

Кластер «Дом, его элементы и другие строения» включает в себя примерно треть всех номинаций артефактов, обнаруженных как в сказках

А.Н. Афанасьева (178 словоупотреблений – 31,7%), так и в бобравских сказках (214 словоупотреблений – 30,1%). Количество общих лексем: 19.

Обширность и разнообразие лексического состава позволяют выделить в его границах следующие субкластеры: «Дом», «Двор», «Части дома и мебель», «Другие строения» [Праведников 2007: 96].

Субкластер «Дом» представлен 5 общими лексемами (*дворец, дом, изба, избышка, хата*) и 2 уникальными (*терем* в сказках А.Н. Афанасьева и *хатка* в бобравских сказках). Дом в сказках – это родное, свое пространство, ассоциирующееся с родителями и символизирующее «порядок, уют очага, Вселенную в миниатюре»; герои, где бы они ни были, всегда находятся «под защитой родного дома» [Шаколо <http>]. Дом противопоставляется внешнему, чужому миру: «*Да не вози к родным в теплую хату, а во чисто поле на трескун-мороз!*» (Афанасьев, №96 «Морозко»). Дом гарантирует защиту, в нем герои видят спасение от внешних угроз:

«*Настечка вылезла из-под веток, поглядела-поглядела: гусей не видно – и с Ивашечкою побежала домой. Дом уже ближе*» (Бобравские сказки, №6 «Гуси-лебеди»);

«*...Много князь ее уговаривал, заповедовал не покидать высока **терема**, не ходить на беседу, с дурными людьми не ватажиться, худых речей не слушаться...*» (Афанасьев, №265 «Белая уточка»).

Слово *дом* занимает первое место по частотности в бобравских сказках (25 с/у), но почти не встречается в сказках А.Н. Афанасьева (3 с/у). Оно активно сочетается с глаголами движения: приблизиться к границе – *подъехать, прикатиться к дому*; войти на территорию – *прийти, пойти, войти, ввалиться, зайти в дом*; покинуть территорию – *вынести, выйти из дома*; также сочетается с относительными прилагательными: *золотой, медный, серебряный дом*.

Несколько в стороне от других жилищ находится *дворец* (10 с/у в сказках А.Н. Афанасьева, 1 с/у в бобравских сказках). Это богатое, роскошное, но закрытое для простых людей место, характеризующее типичной для жанра конструкцией *ни в сказке сказать, ни пером описать*. Герои могут попасть во дворец только по чьему-либо приглашению или приказу царя. Он представлен как мечта, которой можно достичь лишь с помощью волшебства:

«*Он дудочку об дудочку ударил – построил себе **дворец**...*» (Бобравские сказки, №17, «Мурза»);

«*По моему прошенью, по щучью веленью, по божью благословенью, когда б, сударыня-матушка, твоего батюшки **дворец** да к нам перешел...*» <...>. *Откуда ни взялся **дворец**, перед дворцом раскинулся сад...*» (Афанасьев, №283 «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре»).

Если слово *изба* называет место, где живет человек, то диминутив *избышка* используется для обозначения построек, не предназначенных для

его проживания. В сказках А.Н. Афанасьева – это устойчивый образ *избушки на курьих ножках* (в 10 употреблениях из 10), которая пустует в лесу (Афанасьев, №97 «Старуха-говоруха») или является домом для бабы-яги (Афанасьев, №113 «Гуси-лебеди»), что делает данное пространство чужим, противопоставленным родному дому. В бобравских сказках *избушка* – это жилище животных (Бобравские сказки, №4 «Лиса мед поела»). В этом смысле оно сближается с диминутивом *хатка* (Бобравские сказки, №1 «Коза драная»).

Субкластер «Двор» объединяет такие объекты, как *беседка, ворота, заутка, закуточка, колодезек, колодезь, огород, плетень, сад*. Само слово *двор* характеризуется высокой частотностью, занимая 5 позицию по количеству употреблений (15 с/у в сказках А.Н. Афанасьева и 17 с/у в бобравских сказках), и широкой сочетаемостью, во многом совпадающей и даже превосходящей синтагматику слова *дом*. Оно активно сочетается с глаголами движения: *приблизиться к границе – подъехать под двор, побежать к двору*; войти на территорию – *вынести, забраться, прийти, пойти, побежать, полететь, выйти на двор*; покинуть территорию – *согнать, бежать со двора*. На дворе можно *хозяйничать, побираться, красть*, на него можно *зывать и не пускать* с него. Часто *двор* сочетается с притяжательными прилагательными, указывающими на владельца участка (*соседский, царский, княжий двор*).

Как и *дом*, *двор* выступает частью оппозиции «свой/чужой»: периметр двора очерчивает «свой», безопасный мир, за границами которого героев подстерегают опасности: «...*Будь умна, береги братца, не ходи со двора*» (Афанасьев, №113 «Гуси-лебеди»). Символическим разделителем «своего» и «чужого» миров выступают *ворота* (5 с/у в сказках А.Н. Афанасьева, 1 с/у в бобравских сказках). В мире русских сказок положительные герои изгоняются «чужими» за *ворота* «своего» пространства, чтобы они прошли испытания в «чужом» мире и вернулись обратно с почестями, посрамив обидчиков [Климас, Праведников 2021: 92]. Таковы, например, сюжеты сказок «Морозко», «Старуха-говоруха» (Афанасьев, №96, 97).

Сравнительно высока частотность слова *сад* – 11 с/у в сказках А.Н. Афанасьева, 6 с/у в бобравских сказках. *Сад* либо сближается с *огородом* и обозначает земельный участок, принадлежащий простому народу, либо же, что происходит чаще, служит атрибутом *дворца* и царских владений.

Субкластер «Части дома и мебель» включает внешние элементы (*венец, крылечко, крыша*), внутренние элементы (*пол, потолок, стена, угол, уголок*), внутренние помещения (*комната, куточек, кухня, покой, светлица, сени*), а также обширную группу лексики, называющей мебель (*кровать, лавочка, лежаночка, печка, печь, полочка, стол, столик, стул, стульце, стульчик* и др.).

Дверь и *окно* занимают пограничную зону между внутренним и внешним пространствами, между «своим» и «чужим» мирами. Оба артефакта активно используются в курских сказках. Слово *дверь* характеризуется высокой частотностью (занимает 1 позицию в сказках А.Н. Афанасьева (23 с/у) и 3 позицию в бобравских сказках (20 с/у)). Оно сочетается с глаголами движения (*подбежать, прийти к дверям*), а также с глаголами, обозначающими преимущественно грубые способы воздействия (*отворить, ударить, ломить, прогрызть дверь; хлопнуть дверью*). Часто употребляется с возвратными глаголами: *двери сами отворяются, растворяются, запираются*.

Дверь и *окно* (а также выражающие концепт диминутивы *окошко, окошечко*) очерчивает границу личного пространства и нередко выполняют функцию защиты от зла или нежеланных гостей:

«Ночью пришла ведьма под дверь и спрашивает: “Спите вы, детки, иль нет?”» (Афанасьев, №265 «Белая уточка»);

«Пришла полночь, в окно кто-то стук-стук! Поднялись дубинки, натянулись стрелы, уставились вилы. Показалась голова, лезет человек, а то Климка-вор сует в окно мертвеца...» (Афанасьев, №387 «Вор»);

«...Смотрит, ползут ужи видимо-невидимо. Мать кинулась, стала двери, окна закрывать. Всё закрыла. Нигде не могут ужи пролезть» (Бобравские сказки, №11 «Уж – Машенькин муж»).

В этом смысле они оказываются связанными с территориально близким пространством порога: *«Осталась у него одна мониста, а он уже домой заскочил. Прыгнула она на порог и говорит: – Если бы ты не успел заскочить, я бы тебя съела»* (Бобравские сказки, №15 «Мачеха-Ведьма»).

Значимое место в сказках занимает сердце крестьянского дома – *печь, печка* (17 с/у в сказках А.Н. Афанасьева и 15 с/у в бобравских сказках). В большинстве случаев *печь* – это место приготовления пищи, источник тепла, света. Иногда она служит средством спасения, избавления от зла: *«...Велела дочери его сжарить <...>. Терешечка был мужичок не дурачок, в обиду девке не дался, вместо себя посадил ее жариться в печь»* (Афанасьев, №112 «Терешечка»).

Реже *печь* выступает действующим лицом сказки. В таком случае к ней обращаются за помощью, просят защиты, при этом обращения могут дополняться терминами родства или иными социофактами:

«Сударыня печка, спрячь меня!» (Афанасьев, №113 «Гуси-лебеди»);

«Матушка-печка, скажи, не видала, куда гуси полетели» (Бобравские сказки, №6 «Гуси-лебеди»);

«Матушка-печка, спрячь меня с Ивашечкой!» (Бобравские сказки, №6 «Гуси-лебеди»).

Субкластер «Другие строения» составляют типичные для жизни крестьян постройки: *баня, банька, гумно, конюшня, мельница, овин, хлев*. Все они, так или иначе, связаны с крестьянским бытом. К нетипичным

постройкам можно отнести *виселицу*, сооруженную по приказу царя для младшего брата, считавшего себя искусным вором в сказке «Семь Симеонов» (Афанасьев, №147), а также *лавку* и *магазин* из сказки «Беспалая сестра» (Бобравские сказки, №14).

Кластер «*Оружие*» является самым малочисленным: в сказках А.Н. Афанасьева он представлен 4 (2%) лексемами в 6 (1,1%) словоупотреблениях (*дубина, дубинка, меч, стрела*), в бобравских сказках – 3 лексемами (1,6%) в 6 (0,9%) словоупотреблениях (*дубина, дубинка, ружье*). Непродуктивность артефактов, называющих оружие, и их малая частотность во многом ожидаемы, поскольку сюжеты сказок редко фокусируются на битвах и сражениях. В большей степени такая лексика свойственна, например, былинам, песням [Климас 2005: 204]. Это же подтверждают результаты, полученные в ходе анализа тимских сказок – лексика, называющая оружие и снаряжение, представлена в них 5 лексемами в 11 словоупотреблениях, что составляет 5,5% (3,7%) от общего количества наименований артефактов [Праведников 2007: 94].

В кластер «*Еда и напитки*» вошли 25 слов (67 с/у) из сказок А.Н. Афанасьева и 21 слово (91 с/у) из бобравских сказок. Это, например, существительные *блин, вино, каша, сливочки, сыр, творожок, тесто* и др., а также существительные, называющие родовые понятия: *еда, кушанье, наедки, напиток*. Количество общих лексем – 11.

Как правило, артефакты данной тематической группы низкочастотны, некоторые встречаются единожды. Большинство из них называет мучные изделия, зачастую представленные диминутивной лексикой (*блинок, булочка лепешка, лепешечка, пирог, пирожок, хлеб, хлебушек*). Продукты охоты или животноводства представлены редкими примерами (*молоко, молочко, мясо*).

Слова данного кластера сочетаются с глаголами, обозначающими процессы приготовления (*сварить, вскипятить, напечь*), поедания (*есть, поест, грызть, ухватить, отломать, отведать, натягиваться*), отказа от еды (*не есть, в рот не брать*), прошения (*просить, выпросить*), угощения (*давать, приносить, носить*). Иногда просьба или угощение выражается глаголом повелительного наклонения:

«*Съешь моего простого киселика с молоком, скажу*» (Афанасьев, №113 «Гуси-лебеди»);

«*Испеки ты мне три лепешечки на своем молоке*» (Афанасьев, №283 «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре»).

Единичен пример упоминания еды в контексте поминального обряда: «*А старушка напекла блинов, созвала гостей, поминает Терешечку...*» (Афанасьев, №112 «Терешечка»).

Наиболее частотным является слово *молоко* (3 позиция по частотности в сказках А.Н. Афанасьева – 17 с/у; 8 с/у в бобравских сказках). Оно находится на границе ядра артефактной лексики, что

обусловлено неоднозначностью обозначаемого им понятия. С одной стороны, по семантике *молоко* оказывается ближе к группе соматической лексики из субкластера «Внутренние органы и субстанции тела» (*кровь, пот, слеза*), чем, например, к другим напиткам (*вино, водка, зелье, пиво, чай*) [Петрухина 2006: 7], с другой стороны *молоко*, в отличие от соматизмов, употребляется человеком в пищу. Определить момент перехода из разряда субстанций тела в разряд наименований пищи сложно. В одних случаях принадлежность к кластеру более явна (сочетаемость с глаголами *кипятить, есть, пить, выпить, надоить* и др.), в других менее (например, *молоко* диких животных). Сравним:

«*Съешь моего простого киселика с молоком, скажу*» (Афанасьев, №113 «Гуси-лебеди»);

«*Ничто меня не поднимет, – сказала она, – кроме волчьего молока; надо мне им умыться и окатиться*» (Афанасьев, №205 «Звериное молоко»).

Похожим образом ситуация складывается с существительным *мясо* (7 и 8 с/у), которое может называть человеческую плоть, являющуюся в контексте сказки пищей для злых существ или животных. Ведьма приговаривает: «*Покатаюсь я, поваляюсь я, Терешечкиного мяса наевшись!*» (Афанасьев, №112). А в сказке «Белая уточка» расправа над ведьмой завершается описанием: «*...Налетели птицы – мясо поклевали, поднялись ветры – кости разметали, и не осталось от ней ни следа, ни памяти!*» (Афанасьев, №265).

Примечательны номинации артефактов из сказок А.Н. Афанасьева, образованные сложением: *мед-вино, пиво-мед*. Они используются в типичных для концовок сказок конструкциях:

«*Я нарочно за тысячу верст туда пришла, пиво-мед пила, по усам текло, а в рот не попало*» (Афанасьев, №147 «Семь Симеонов»);

«*В это время я там была, мед-вино пила, все видела, всем было очень весело*» (Афанасьев, №283 «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре»).

Несколько отличается слово *хлеб-соль*. Обычно оно сопровождает сцену встречи или приветствия, однако в сказке видим противоположную ситуацию: «*...Их зазвали, накормили, напоили и с хлебом-солью отпустили*» (Афанасьев, №283 «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре»).

Кластер «*Одежда и украшения, драгоценности*» включает 30 слов (69 с/у) из сказок А.Н. Афанасьева и 18 слов (47 с/у) из бобравских сказок; количество общих лексем – 6. В нем можно выделить следующие группы: родовые понятия (*наряд, одежда, убор* и др.), одежда (*жилет, кафтанчик, платочек, платье, рубашка, шапка, шуба* и др.) обувь как подгруппа одежды (*башимачок, валенок, валенец, сапог, сапожок* и др.), части одежды

(воротник, пола), украшения (золото, колечко, кольцо, монисто, перстень, сережка и др.), а также ткани (бархат, шелк).

Слова данной тематической группы активно сочетаются с широким кругом глаголов: надеть одежду/одеть кого-то (завернуть в, надеть, одеться в, померить), снять одежду (сбросить, скинуть, снять), создать (выткать, вышить, напрясть, пошить, сшить), передать (бросить, дать, отдать, подарить), другие действия (заломить, купить, расстегивать, очищать, сдвинуть). Реже наименования одежды сочетаются с прилагательными: они могут обозначать физические признаки (тонкая рубашка, красная рубашка, шелковый пояс, златошвейная ширинка) или оценочные характеристики (дивные уборы, новые сапожки, простой кафтан, мудреный перстень).

Повторяющимся элементом в сказочных сюжетах становится бросание одежды. Такое действие служит для отвлечения внимания, реже сопряжено с волшебством:

«**Бросил** он в неё **тулуп**, а сам домой побежал, разорвала она этот **тулуп** в мелкие части, опять за ним побежала» (Бобравские сказки, №15 «Мачеха-Ведьма»);

«Климка выглядел-высмотрел, забежал вперед, не пожалел нового **сапога** снял с ноги и **бросил** на дороге; сам за куст спрятался» (Афанасьев, №387 «Вор»);

«**Бросили ширинку** златошвейную – разлилось море широкое, глубокое, огненное» (Афанасьев, №114 «Данила-говорила»).

Часто элементы одежды и украшения связаны со свадебным обрядом. Например, сказочные персонажи ищут невесту, примеряя кольца: «Старушка поверила, обрадовалась и, умирая, наказала сыну взять за себя жену, которой **перстень** годится»; «...а сам женился на ее подруге, которой и **перстенок** пришелся по ручке...» (Афанасьев, №114 «Князь Данила-говорила»). Элементы одежды и украшения становятся подарком для невесты, а их добыча превращается в испытание для героя: «Съезди, у моей матери-Змеи в поставце возьми венчальные **кольца**»; «Посылает невеста к матери-Змее на лежаночке в поставце взять самоцветное **платье**» (Бобравские сказки, №16 «Шамраик, Лаштаик и Змея»).

Кластер «Деньги» можно охарактеризовать как малочисленный, его показатели количества и частотности близки к низким показателям кластера «Оружие». В сказках А.Н. Афанасьева данная тематическая группа представлена лексемами *выкуп, денежка, деньга, деньги, плата, серебро* (19 словоупотреблений – 3,4%), в сборнике бобравских сказок – лексемами *деньги, золото, рубль* (18 словоупотреблений – 2,5%). Тенденция низких показателей прослеживается и в тимских сказках – 3 лексемы в 19 словоупотреблениях (6,3%) [Праведников 2007: 94]. Очевидно, что сфера экономики была менее значимой и приоритетной для

простого народа, чем, например, бытовые реалии, а потому доля лексики данного кластера в сказочных текстах значительно ниже, чем других.

Почти все артефакты данной группы используются в одинаковых или похожих синтаксических конструкциях, характеризуются ограниченной синтагматикой и редко встречаются в более чем одной сказке, что также свидетельствует об их малой значимости. Например, существительное *рубль* сочетается только с числительными, называющими круглые числа: «Только тот, кто скажет, что неправда, с того **сто рублей**»; «– Ну, вот вам, господа, **сто рублей**»; «– Ну, вот, господа, **двести рублей**»; «Ну, вот, господа, **триста рублей**» (Бобравские сказки, №14 «Беспалая сестра»). Существительное *деньги* трижды сочетается с близкими в контексте существительными *мешок*, *куча*: «Только покончился год, он ему **мешок денег на стол**»; «Кончился срок, минул еще год, хозяин ему **мешок денег на стол**»; «Кончился срок, миновал третий год, он **кучу денег на стол**» (Афанасьев, №297 «Несмеяна-царевна»). В сказке «Набитый дурак» слово *деньги* используется в трижды повторяющемся предложении: «Дай вам Бог продать, хорошие **деньги** взять» (Бобравские сказки, №21).

В кластер «Другие рукотворные предметы» вошли 80 лексем в 189 словоупотреблениях (33,6%) из сказок А.Н. Афанасьева и 83 лексемы в 305 словоупотреблениях (42,9%) из бобравских сказок; количество общих лексем – 23.

К характерным особенностям лексики данной группы можно отнести низкую частотность (чаще всего единичное употребление) и разнообразие состава – из 80 и 83 артефактов общими для двух групп сказок являются 22 (27,5% и 26,5%). Тем не менее, несмотря на кажущуюся разрозненность и неупорядоченность, в пределах кластера явно проступают границы тематических групп: транспорт (*каре́та, коляска, корабль, поезд, сани, телега*), упряжь (*седельце, седло, узда, уздечка, хомут*), инструменты (*вилы, грабли, заступ, лопата, нож, перо, топор*), музыкальные инструменты (*дудочка, дуды-самогуды, гусли*), посуда и столовые приборы (*вилочка, ложечка, ложка, нож, ножик, тарелка, тарелочка*), материалы (*пенька, овчина, лыко*) и некоторые другие.

Заключение

Итак, подводя итог сказанному, важно отметить, что артефактная лексика, зафиксированная в курских сказках, несмотря на сравнительно малое количество и низкую частотность, характеризуется разнообразием лексического состава и отличается особой культурологической значимостью, поскольку раскрывает ключевые понятия и концепты, составляющие жизнь и быт русского народа. Сравнение двух групп сказок демонстрирует равное соотношение в них лексики выделенных кластеров, а анализ их семантики и роли в тексте во многом подтверждает выводы,

сделанные при описании группы тимских сказок. Это позволяет говорить об определении общих тенденций и закономерностей функционирования ядра артефактов в текстах курских сказок.

Библиографический список

Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Словарь языка русского фольклора: Лексика былины: Часть вторая: Мир человека. Курск: Курск. гос. ун-т, 2006. 192 с.

Доброва С.И., Халилова Д.Х. К вопросу о типологии словников номинаций бытовых реалий (артефактов) в фольклорном тексте: структура, содержание, функциональное назначение (на материале сказок А.Н. Корольковой) // Известия ВГПУ. 2019. №2(283). С. 238–244 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_38579950_75493295.pdf (дата обращения: 10.04.23).

Климас И.С. Фольклорная лексикология: своеобразие объекта, состав единиц, специфика лексикологических категорий: дис. ... д-ра филол. наук. Курск: гос. ун-т. Курск, 2005. 408 с.

Климас И.С., Праведников С.П. Ворота в курском фольклоре // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 4 (43). С. 89–100 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47497100> (дата обращения: 07.06.23).

Кузьмина М.Ю. Динамичные фольклорные локусы в былинном тексте // Научный журнал КубГАУ. 2013. №94(10) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamichnye-lokusy-v-bylinnom-tekste/viewer> (дата обращения: 10.04.23).

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/> (дата обращения: 10.04.23).

Петрухина М.В. Кластер «человек телесный» в лексиконе русской волшебной сказки: автореф. дис. канд. филол. наук. Курск. 2006. 19 с.

Праведников С.П. Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Сказки Курского края. Т. 2. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2019. 392 с.

Праведников С.П. Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Сказки Курского края. Т. 3. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2020. 349 с.

Праведников С.П. Наименования артефактов в курских сказках // Курское слово. 2007. №4. С. 93–106.

Шаколо А.В. Оппозиция «свой–чужой» и ее реализация посредством концептов «дом» и «лес» в дискурсе русских волшебных сказок [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oppozitsiya->

[svoy-chuzhoy-i-ee-realizatsiya-posredstvom-kontseptov-dom-i-les-v-diskurse-russkih-volshebnyh-skazok/viewer](#) (дата обращения: 10.04.23).

References

Bobunova M.A., Xrolenko A.T. Slovar` yazy`ka russkogo fol`klora: Leksika by`liny` : Chast` vtoraya: Mir cheloveka. Kursk: Kursk. gos. un-t, 2006. 192 s.

Dobrova S.I., Xalilova D.X. K voprosu o tipologii slovnikov nominacij by`tovy`x realij (artefaktov) v fol`klornom tekste: struktura, sodержanie, funkcional`noe naznachenie (na materiale skazok A.N. Korol`kovej) // Izvestiya VGPU. 2019. №2(283). S. 238–244 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_38579950_75493295.pdf (data obrashheniya: 10.04.23).

Klimas I.S. Fol`klornaya leksikologiya: svoeobrazie ob`ekta, sostav edinicz, specifika leksikologicheskix kategorij: dis. ... dokt. filol. nauk. Kursk: gos. un-t. Kursk, 2005. 408 s.

Klimas I.S., Pravednikov S.P. Vorota v kurskom fol`klore // Teoriya yazy`ka i mezhkul`turnaya kommunikaciya. 2021. № 4 (43). S. 89–100 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47497100> (data obrashheniya: 07.06.23).

Kuz`mina M.Yu. Dinamichny`e fol`klorny`e lokusy` v by`linnom tekste // Nauchny`j zhurnal KubGAU. 2013. №94(10) [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamichnye-lokusy-v-bylinnom-tekste/viewer> (data obrashheniya: 10.04.23).

MAS – Slovar` russkogo yazy`ka: v 4 t. / pod red. A.P. Evgen`evoj. 4-e izd., stereotip. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/> (data obrashheniya: 10.04.23).

Petruxina M.V. Klaster «chelovek telesny`j» v leksikone russkoj volshebnoj skazki: avtoref. dis. kand. filol. nauk. Kursk. 2006. 19 s.

Pravednikov S.P. Leksikograficheskij kompleks fol`klorny`x tekstov: Skazki Kurskogo kraja. T. 2. Kursk: Izd-vo Kursk. gos. un-ta, 2019. 392 s.

Pravednikov S.P. Leksikograficheskij kompleks fol`klorny`x tekstov: Skazki Kurskogo kraja. T. 3. Kursk: Izd-vo Kursk. gos. un-ta, 2020. 349 s.

Pravednikov S.P. Naimenovaniya artefaktov v kurskix skazkax // Kurskoe slovo. 2007. №4. S. 93–106.

Shakolo A.V. Oppozitsiya «svoj–chuzhoj» i ee realizaciya posredstvom konceptov «dom» i «les» v diskurse russkix volshebny`x skazok [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oppozitsiya-svoy-chuzhoy-i-ee-realizatsiya-posredstvom-kontseptov-dom-i-les-v-diskurse-russkih-volshebnyh-skazok/viewer> (data obrashheniya: 10.04.23).